

Литература

1. Александр Башлачев: Стихи, фонография, библиография / [сост. О. А. Горбачев; науч. ред. Ю. В. Доманский]. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. — 222 с. — (Русская рок-поэзия: текст и контекст; Приложение).
2. Биография А. Б. от Н. Рахлиной [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://rok.kulichki.net/groups/bashlachev//mail.html>
3. Житинский А. Семь кругов беспокойного лада / А. Житинский // Башлачев А. Посошок. — Л., 1990. — С. 3—10.
4. Константинова С. Л. Дырка от бублика как предмет «русской рокологии» [Электронный ресурс] / С. Л. Константинова, А. В. Константинов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. — Вып. 2. — Тверь, 1999. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza2.htm>
5. Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция [Электронный ресурс] / И. Кормильцев, О. Сурова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. — Вып. 1. — Тверь, 1998. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza.htm>
6. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. — Таллинн : Александра, 1992. — 479 с.
Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — С. 365—377.
7. Рок-музыка в СССР: опыт популярной энциклопедии [Электронный ресурс] // [сост. А. К. Троицкий]. — Ч. 1. — М. : «Книга», 1990. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/?p=3418>
8. Русский язык и литература. Литература. 11 класс. [учеб. для общеобразоват. организаций] / [под ред. В. П. Журавлева]. — М. : «Просвещение», 2002. — 431 с.

УДК 811.161.1'37

Л. В. Педченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Перцептивная метафора как средство создания «образа человека» в русском диалектном языке

Педченко Л. В. Перцептивна метафора як засіб створення образу людини в російській діалектній мові. У статті досліджено метафоричний потенціал перцептивної лексики в російській діалектній мові в аспекті формування «образу людини», виявлено закономірності взаємодії системи сприйняття та інших «тілесних» і «духовних» систем людини у російській мовній картині світу. Автор ставить під сумнів ідею Ю. Д. Апресяна про бінарну організацію систем, які формують образ людини в російській мовній картині світу, про парність систем сприйняття і інтелекту. Аналіз діалектних лексем, які обслуговують різні модули перцепції, показує, що метафоричний потенціал перцептивної лексики не обмежується лише інтелектуальною сферою. Різноманіття моделей перцептивної метафори доводить, що сприйняття, яке є тим фундаментом, на якому базується пізнання і оцінка людиною навколишнього світу, пов'язане з усіма системами, що формують «образ людини».

Ключові слова: діалектна лексика, мовна картина світу, сприйняття, перцептивна метафора.

Педченко Л. В. Перцептивная метафора как средство создания образа человека в русском диалектном языке. В статье исследован метафорический потенциал перцептивной лексики в русском диалектном языке в аспекте формирования «образа человека», выявлены закономерности взаимодействия системы восприятия и других «телесных» и «духовных» систем человека в русской языковой картине мира. Автор ставит под сомнение идею Ю. Д. Апресяна о бинарной организации систем, формирующих образ человека в русской языковой картине мира, о парности систем восприятия и интеллекта. Анализ диалектных лексем, обслуживающих различные модули перцепции, показывает, что метафорический потенциал перцептивной лексики не ограничивается интеллектуальной сферой. Многообразие моделей перцептивной метафоры доказывает, что восприятие, являющееся тем фундаментом, на котором базируется познание и оценка человеком окружающего мира, связано со всеми системами, формирующими «образ человека».

Ключевые слова: диалектная лексика, языковая картина мира, восприятие, перцептивная метафора.

Pedchenko L. Perceptual metaphor as a mean of creating an image of a person in Russian dialect language. The article explores the metaphorical potential of perceptual lexicon in Russian dialect language in the aspect of the formation of the "image of a person", the patterns of interaction of the perception system and other "bodily" and "spiritual" human systems in the Russian language picture of the world are revealed. The author calls into question the idea of Y. Apresyan about the binary organization of the systems that form the image of a person in the Russian language picture of the world, on the pairing of systems of perception and intellect. The analysis of dialect lexemes serving various modes of perception shows that the metaphorical potential of perceptual vocabulary is not limited to the intellectual sphere. Different modes of perception show a closer interaction with certain systems: vision - with intellect and emotions, hearing - with intellect and speech, smelling - with actions and intellect, taste, pain and temperature sensations - with emotions, tactile sensations are associated with almost all systems. The variety of models of perceptual metaphor proves that perception, which is the foundation on which cognition and assessment of a person around the world is based, is associated with all systems that form the "image of man" – intellect, actions and activities, physiological reactions, emotions, speech etc.

Key words: dialectal vocabulary, language picture of the world, perception, perceptual metaphor.

Характеризуя «наивную картину человека», в своей программной статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» (1995) Ю. Д. Апресян отмечает, что человек мыслится в русской языковой картине мира как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [1:39–40]. Каждому типу деятельности, состояния, реакции соответствует своя система. Описывая общую схему «состава» человека, Ю. Д. Апресян выделяет 8 таких систем: 1) физическое восприятие, 2) физиологические состояния, 3) физиологические реакции, 4) физические действия и деятельность, 5) желания, 6) мышление, интеллектуальная деятельность, 7) эмоции и 8) речь [1:42–43].

Названные системы взаимодействуют друг с другом, образуют иерархию, объединяются в более крупные классы. Самой простой из перечисленных систем является восприятие. Самой сложной системой Ю. Д. Апресян признает речь. Лингвистически относительная сложность той или иной системы определяется количеством обслуживающих её языковых средств – как лексических, так и грамматических. Номинативные поля, вербализующие более сложные системы, постоянно нуждаются в пополнении и обновлении своего состава, причем, как правило, эти процессы осуществляются за счет языковых ресурсов, обслуживающих более простые системы. При этом Ю. Д. Апресян обращает внимание на парность «телесных» и «духовных» систем, между которыми осуществляется такое взаимодействие. Так, систему восприятия он связывает с интеллектом, отмечая, что «в наивной, как и в научной картине мира, через систему восприятия человек получает всю ту информацию, которая направляется на обработку в сознание и на основании которой человек осмысливает действительность, получает знания, вырабатывает мнения, планирует свои действия и т.п.» [1:49]. Аргументируя данный вывод, автор приводит ментальные значения основных глаголов зрительного и слухового восприятия – *видеть* и *слышать* – в современном русском литературном языке, однако метафорический потенциал других лексем с перцептивной семантикой не рассматривает. Избирательность в выборе материала исследования, его ограничение рамками только русского литературного языка не позволяют, на наш взгляд, делать вывод об универсальности данной модели взаимодействия систем, не дают оснований говорить о русской языковой картине мира в целом.

Целью настоящего исследования является

выявление систем-реципиентов перцептивной метафоры в русском диалектном языке, что может послужить основой для выявления характера взаимодействия «телесных» и «духовных» систем человека, установления закономерностей метафорических процессов, лежащих в основе формирования «наивного» образа человека в русской языковой картине мира.

Восприятие в психологии рассматривается, во-первых, как субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины «образ восприятия», «перцептивный образ»), во-вторых, как сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа [2:74]. Лингвистическое исследование восприятия, как правило, сосредоточивается на анализе средств вербализации различных модусов восприятия (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания), причем количество работ по данной проблематике в настоящее время уже настолько велико, что некоторые авторы предлагают выделять особую отрасль языкознания – лингвосенсорику [7:6] или лингвистическую перцептологию [4: 368].

С. С. Кузнецова выделяет целый ряд направлений в изучении лексических единиц с семантикой восприятия: семантическое, когнитивное, сопоставительное, типологическое, этимологическое, синтаксическое, стилистическое, лингвоперсоналистическое, дискурсивное [3:3–4]. В большинстве случаев материалом исследования становятся данные словарей литературного языка, экспериментальные данные либо тексты различных типов (художественные, рекламные и др.). Ассоциативный потенциал перцептивной лексики, обуславливающий возможности ее метафоризации, как правило, исследуется в рамках художественного дискурса отдельных авторов.

Отражение процессов восприятия в русском диалектном языке довольно редко становится предметом исследовательского интереса (например, [3]). В то же время привлечение диалектной лексики в качестве объекта лингвоперцептологического исследования представляется чрезвычайно продуктивным, поскольку в диалектном языке, не скованном жесткими рамками кодификации, словотворческие потенции, детерминированные соответствующими когнитивными структурами, реализуются гораздо более полно по сравнению с литературным языком. В этой связи в настоящем исследовании анализируются данные русского диалектного языка.

Как отмечают большинство исследователей, модусы восприятия человека иерархизированы по степени значимости, определяемой объемом информации, поступающей через них в сознание

человека. Доминирующим признается зрение, через которое человек получает около 80% информации, затем следует слух. Обоняние, вкус и осязание в плане когнитивной релевантности значительно уступают двум предшествующим модусам восприятия и не обнаруживают четкой иерархической дифференциации.

Метафоризация лексики зрительного восприятия обнаруживает связь данного модуса перцепции с интеллектуальной сферой человека. Большой объем накопленной информации, полученной через визуальный канал, соотносится с большим объемом знаний, опытом: **видкой** «опытный, много повидавший» Арх. [6 4:275]; **видок** «тот, кто видит и понимает лучше других; прозорливый человек», «бывалый, опытный человек» Перм., Ср. Урал. [6 4:276]; **видущий** «грамотей, видящий слово божие» Арх. [6 4:276]. Отсутствие зрения также проецируется на интеллектуальную систему человека, в частности, ассоциируется с глупостью и необразованностью: **слепой** «неграмотный, некультурный (о человеке)» Моск., Калуж., Кемер., Краснояр., Амур., Арх. [6 38:266]; **слепокур** «неумный, малограмотный человек» Бурят. [6 38:267]; **слепота** «об отсталом, невежественном человеке» Арх. [6 38:268]; **слепотье** «о неосмотрительном человеке» Свердлов., Перм.; **слепоум, слепоумка, слепоумок, слепоумый** «недалекий, глуповатый человек; опрометчивый, безрассудный человек // неразвитый, малограмотный» Прибайк. [6 38:268], **слепуха** «неграмотная женщина» Горно-Алт. [6 38:269]; **слепучий** «неграмотный, ничего не знающий» Бурят АССР [6 38:69]; **слепошарый** «рассеянный, невнимательный // разиня» Ср. Урал., Тобол. [6 38:269].

В то же время номинации основных визуально воспринимаемых признаков – **светлый, тёмный** – и их дериваты, которые в русских говорах могут обозначать и собственно способность видеть (ср. **светлый** «обладающий острым зрением» Новг., Яросл. [6 36:266], **темный** «плохо видящий, слепой» Тобол., Волог., Онеж., Арх., Вят., Перм., Курск. [6 44:31]), обнаруживают связь не только с интеллектуальной сферой (**светлый** «грамотный, образованный, развитый» Твер., Арх. [6 36:266]), но и с эмоциональной: **темнеть** «быть хмурым, грустным» Арх. [6 44:27]; **темнуха** «о невеселом, хмуром человеке» Новг. [6 44:30]; **темный** «о невеселом, хмуром человеке // сердитый, злой» Арх., Мурман., Олон. [6 44:31]; **темняк** «о невеселом, хмуром, угрюмом человеке» Новг., Арх. [6 44:33]; **свет** «ласковое обращение к кому-л. // о любимом, возлюбленном» Олон., Арх., Костром., Калуж., Яросл., Брян. [6 36:253].

Номинации слухового восприятия эксплицируют связь перцептивной сферы не только с интеллектуальной деятельностью человека, но и с

речью. Целый ряд фактов: семантическое развитие лексемы **слух** («молва» > «способность слышать»), этимологическая связь лексем **слух, слава** и **слово**, соединение в семантике праславянского глагола ***slūti** значений «говорить» и «слышать», – свидетельствует о том, что этим корнем первоначально обозначалась способность воспринимать не просто звуки, а звуки человеческой речи. Это указывает, по-видимому, на то, что восприятие человеческой речи является для человека гораздо более значимым по сравнению с восприятием других звуков. Осознание и наименование человеческой способности слышать формировалось в связи с развитием членораздельной речи [5]. В русских говорах глагол **слышать** имеет не только значение «слушать», но и «понимать чужой язык» Якут. [6 38:321]. Другие диалектные лексемы с корнем **слух-** / **слых-**, развивающие ментальные значения, как, правило, характеризуют знание, полученное в результате восприятия человеческой речи: **слуху не было** «не было известно о ком-, чем-либо» Ворон., **получить слух** «получить вест, узнать что-либо» Дон., **слухом видеть** «знать о ком-, чем-либо по слухам» Среднеобск. [6 38:314]; **слых** «вест, известие о ком-либо» Том., Перм., Кемер., Костром., Олон., Новг., Пск., Ряз., Твер., Смол., Том. [6 38:324], **слушмяный** «во всё вслушивающийся, любопытный» Пск. [6 38:322].

Отсутствие слуха, как и отсутствие зрения, в русском языковом сознании интерпретируется как источник интеллектуального несовершенства человека: **глухарь** «невежественный, некультурный человек» Том.; **глухач** «рассеянный, невнимательный человек» Терск., Кубан. [6 6:214].

Семантика глаголов слуха указывает на связь данного модуса восприятия с другими перцептивными модусами: зрением (**слышать** «видеть» Арх. [6 38:325]), обонянием (**слушать** «нюхать, вдыхать запахи» Новосиб. [6 38:321]), а также недифференцированным восприятием (**слышать себя** «чувствовать себя, испытывать те или иные ощущения» Перм. [6 38:325]).

Метафоризация основных акустических параметров – **тихий / громкий** – демонстрирует связь слухового перцептивного модуса с системой «**физические действия и деятельность**». Так, признак «тихий» переосмысливается в большинстве случаев как «делающий что-либо медленно»: **тихан** «о медлительном в работе человеке» Урал. [6 44:141]; **тихой** «медлительный, нерасторопный человек» Сев.-Двин., Арх., Перм., Омск., Свердлов., Том., Иркутск. [6 44:142]; **тихобязинка** «человек, который всё делает медленно, плохо работает» Ср. Урал. [6 44:143]; **тиходел** «медлительный человек»; **тиходельный** «медлительный, нерасторопный (о человеке)» Ср. Прииртыш. [6 44:143]; **тихоня** «неловкий, медлительный,

нерасторопный человек» [6 44:146] (ср. **Громов** «быстрый (прозвище)» Симб. [6 7:150]). Другая продуктивная модель перцептивной метафоризации – «тихий» > «скрывающий свои мысли, намерения, действия, эмоции»: **тиходом** «скрытный человек» [6 44:144]; **тихомольный** «делающий что-либо исподтишка», «скрытный» Моск., Яросл., Казан., Влад. [6 44:145]; **тихонич** «скрытный человек» [6 44:145]; **тихоня** «скрытный человек» Волог., Пск., Смол., Арх. [6 44:146]; **тихоша** «тихий, скрытный человек» Сев.-Зап. [6 44:147]. Низкий уровень интенсивности акустических ощущений может ассоциироваться с низким уровнем эмоциональных реакций и их проявлений: **тиханица** «о тихой, спокойной женщине» Новг. [6 44:141]; **тихое лето** «об очень тихом, спокойном человеке» Дон. [6 44:143]; **тиходом** «о тихом, спокойном человеке, тихоне» Пск., Твер. [6 44:144]; **тихомирный** «тихий, смиренный, спокойный» Пск., Арх., Мурман., Перм., Свердл., Тюмен., Амур., Якут. [6 44:144]; **тихомолошный** «спокойный, смиренный о человеке» Тюмен. [6 44:145]; **тишаня** «тихий, мирный человек» Волог. [6 44:148].

Таким образом, характер метафоризации слуховых ощущений в русском диалектном языке указывает на связь слухового модуса восприятия не только с интеллектуальной, но и с другими системами, формирующими «образ человека», – речью, физическими действиями и деятельностью, эмоциями.

Подобная разнонаправленность векторов метафоризации наблюдается и в процессе когнитивной интерпретации обонятельных ощущений. Системами-реципиентами в данном случае оказываются «интеллект» (**пах** «запах», «обоняние», «догадливость, сметливость» [6 25:285]; **нюхтить** «разведывать, выскидывать // узнавать» Сиб., Арх., Свердл. [6 21:330]; **нюхлый** «лишенный обоняния» Волог., «страдающий слабоумием (о человеке)» Волог. [6 21:329]), «действия и деятельность» (**нюхлый** «медлительный, неповоротливый, вялый» Арх., Олон., Волог. [6 21:329]; **нюхря** Горно-Алт., **нюхтелка** Ряз. «о ленивом, неповоротливом человеке» [6 21:330]; **нюча** «ленивый человек» Олон. [6 21:330]; **нюха** «разиня, мямля, тихоня» Перм., Свердл. [6 21:329]; **нюхтя** «разиня, мямля, тихоня» Перм. [6 21:330]; **нюхча** «разиня, мямля», «мелкий воришка» Онеж., Арх. [6 21:330]) и «физиологические реакции» (**нюша** «плакса» Вят. [6 21:330]).

Метафорический потенциал вкусового модуса восприятия ограничивается преимущественно эмоциональной сферой человека: **слава** «радость, отрада» Азерб. [6 38:220]; **сладимчик** «милый, любимый, близкий сердцу человек», **сладимый** «милый, дорогой, близкий сердцу», **сладиночка**

«дорогой, милый мой» Ср. Прииртыше [6 38:221]; **сладкий** «приятный, милый, хороший (о человеке)» [6 38:223]; **горький** «огорченный, расстроенный», **горе-горький** «очень несчастный», **горько** «скучно» [6 7:81]; **горчат** «высказывать неудовольствие» Курск. [6 7:74]; **горчиться** «испытывать горе, горевать» Перм., «огорчаться чем-либо, сетовать на что-либо» Нижегород. [6 7:75]; **кислиться** «иметь, недовольный, унылый, кислый вид» Влад., Костром., Саратов. [6 13:230]; **кислый** «угрюмый» Ворон. [6 13:235]; **кислогубый** «недовольный, унылый, кислый» Новг. [6 13:232]. Номинации сладкого вкуса выступают мотиваторами характеристик **речевого поведения** человека: **сладука** «говорун, весельчак». Дон. [6 38:225]; **сластёна** «о сладкоречивой женщине» Пск., Твер. [6 38:235]. Номинации кислого вкуса могут развивать метафорические значения, характеризующие действия и деятельность человека (**кислядь** «о вялом, неповоротливом, ленивом человеке» Перм., Олон. [6 13:229]; **кисловатый парень** «плохой, неповоротливый работник, апатичный, недействительный человек» Колым. [6 13:232]; **кислух** «вялый, ленивый, унылый человек» [6 13:233]), а также **физиологические реакции** (**кислун** Твер., **кислух** Твер., **кислява** Перм., **кисляк** Пск., Перм. «плакса» [6 13:233–236]). Отсутствие ментальных значений в спектре метафорической семантики номинаций вкуса, по-видимому, обусловлено низкой когнитивной информативностью вкусового канала восприятия по сравнению с другими перцептивными модусами (зрением, слухом, обонянием). Вкус выполняет скорее гедонистическую, чем познавательную функцию, и поэтому воздействует не на интеллектуальную, а на аффективную систему человека, что находит отражение в характере метафоризации соответствующих перцептивных номинаций в русском диалектном языке.

Система осознания в отличие от других модусов восприятия объединяет целый комплекс ощущений – тактильные, температурные, болевые. Различные типы осознательных ощущений имеют свои особенности концептуализации, в связи с чем метафорический потенциал соответствующих групп перцептивной лексики характеризуется специфическими чертами. Так, болевые ощущения обнаруживают связь исключительно с эмоциональной сферой: **болеечка** «сердечный, милый, желанный человек» Вост., «сострадательный, мягкосердечный человек» Вост. [6 3:72], **болезенка** «ласк. милочка, душенька, желанная» Арх. [6 3:72], **болезка** «о сердечном, милом, желанном человеке» Влад., Вост., «ласковое обращение к человеку, особенно к ребенку» Калуж. [6 3:72], **болезенький** «ласк. миленький, ласковый, желанный» Волог. [6 3:72], **болезный**,

«вызывающий жалость, сострадание; милый, дорогой». Яросл., Нижегород., Костром., Влад., Волог., Новг., Вят., Пенз., Ряз., Калуж., Пск., Смол., Дон., «ласковое обращение — милый, дорогой» Нижегород., Яросл. Костром., Влад., Новг., Твер., Ряз., Тул. Калуж. Дон., «сострадательный, мягкосердечный, милосердный» Костром., Твер. [6 3:73]; **болезнь** «обращение, выражающее ласку, нежность, любовь» Дон. [6 3:73], **боленый** «ласковое обращение к ребенку» Моск. [6 3:73]; **болеткий** «ласк. милый, родной, дорогой» Дон. [6 3:74]; **болечка** «милочка, душенька, голубчик, миленок» Дон., Урал. [6 3:74]; **болина** «о милом, любимом, дорогом (человеке)» Перм., Ср. Урал. [6 3:74]; **болиночка**, «ласк. о миленьком, возлюбленном» Перм., Урал. [6 3:74]; **больнёхонький** «милый, дорогой» Самар., Влад. [6 3:86]; **больный** «милый, родной, дорогой, любезный» Дон., Терск. [6 3:86].

Температурные ощущения дают более широкий спектр метафорических интерпретаций, эксплицирующих взаимодействие системы осязания не только с эмоциональной сферой (**теплёшенький** «добрый, ласковый, приветливый» Орл. [6 44:50]; **теплячок** «о простом и ласковом человеке» Яросл. [6 44:62]; **тёпленький** «доброжелательный, приветливый (о человеке)» Р. Урал [6 44:49], **горячка** «вспыльчивость» Пск., Смол. [6 7:88]; **горячня** «горячий, вспыльчивый человек» Иван. [6 7:89]), но и со сферами физических действий (**теплуха** «о нерасторопном человеке» Волог. [6 44:57]; **тепляк** «о нерасторопном человеке» Волог. [6 44:61–62]; **тёпленький** «ленивый; равнодушный» Р. Урал [6 44:49]) и интеллекта (**тёпленький** «неразвитый, глуповатый (о человеке)» Ворон. [6 44:50]).

Подобную метафорическую многовекторность демонстрируют и номинации тактильных ощущений, используемые для вербализации различных сфер: **действий** и **деятельности** (**мягкий** «поворотный, легкий в движениях, ловкий» Якут., «ленивый, с ленцой» Влад., Смол., Калуж., Моск., «медлительный, малоподвижный, нерасторопный» Яросл., Калуж. [6 19:73]; **мягонький** «немного ленивый» Волог. [6 19:75]; **мякуля** «о неловком, нерасторопном человеке» Яросл.; **мякун** «о ленивом человеке» Влад.; **мякуша** «о вялом, нерасторопном человеке» Моск. [6 19:81]; **твердый** «неловкий, неуклюжий» Сиб. [6 43:322]; **сухобздей** «о вялом, не бойком человеке» Арх. [6 43:7]; **гладкий** «ловкий» Волог. [6 6:179]; **склизкий** «ловкий, увертливый, ненадежный «о человеке» Самар., Влад., Пск., Смол., [6 38:27]), интеллекта (**твердоносый** «тупой, глупый (о человеке)» Перм. [6 43:321]; **воли** (**твердолом** «упрямый человек» Арх. [6 43:321], **твердый** «обладающий сильным характером» Свердл., Иркут., Перм., «упрямый» Перм., «настойчивый,

упорный» Вят. [6 43:322]; **мякиш** «о кротком, простоватом человеке» Костром. [6 19:78], **эмоций** (**гладкий** «приветливый, ласковый» Олон., Самар., Новг. [6 6:179]; **гладко** «весело» Тобол. [6 6:180]; **гладкобай** «ласковый, веселый человек, который говорит всегда правду» Вят. [6 6:180]; **мякенький** «ласковый» Смол. [6 19:76]); **сухота** «грусть, печаль, тоска» Моск., Новг., Арх., Волог., Костром., Вят., Орл., Смол., Ворон., Кемер.[6 43:24]; **сухота** «ревность» Арх., «о любимом человеке» Смол., «о заботливом, преданном человеке» Олон., «нелюбимый, постылый человек» Ворон. [6 43:25]; **сухотина** «о любимом человеке» Яросл. [6 43:26]; **речи** (**мокроводка** «сплетник, сплетница» [6 18:210]; **мокроводить** «сплетничать» Твер. [6 18:210]; **мокрослоить** «ссорить кого-либо, распуская сплетни» Твер. [6 18:211]; **мокрохвост** «пустомеля» Пск., Твер., «сплетник» Пск., Твер., Костром. [6 18:211].

Таким образом, вторичная семантика перцептивной лексики русского диалектного языка указывает на связь системы восприятия с другими как «телесными», так и «духовными» системами человека – интеллектом, действиями и деятельностью, физиологическими реакциями, эмоциями, речью и др. В многообразии моделей перцептивной метафоризации отражается неоднозначность когнитивной интерпретации процесса восприятия, обусловленная его сложным, многоаспектным характером. «Как существо социальное, человек в процессе восприятия формирует знания об окружающем мире (когнитивная сторона перцепции), испытывает определённые эмоции (аффективная сторона перцепции), учитывает опыт предшествующих поколений и свой собственный прежний опыт (рефлексивная сторона перцепции). Содержание перцепции основывается на состоянии индивида (установки, эмоции, внимание, волевой компонент), на его психических образованиях (перцептивный опыт, умения, навыки), на свойствах личности (перцептивные способности, черты характера, направленность)» [4:13].

Различные модусы восприятия демонстрируют более тесное взаимодействие с определенными системами: зрение – с интеллектом и эмоциями, слух – с интеллектом и речью, обоняние – с действиями и интеллектом, вкус, болевые и температурные ощущения – с эмоциями, тактильные ощущения связаны практически со всеми системами.

Синкретичный, комплексный характер процесса восприятия обуславливает явление синестезии (**твёрдый** «неприятный на вкус» Перм. [6 43:323], **твёрдо** «громко (греметь, стучать)» Арх. [6 43:321], **гладь** «тишина» Твер, Костром. [6 6:183] и др.), а также общность метафорического потенциала различных модусов перцепции. Так,

образ ленивого, нерасторопного, медлительного человека формируют метафоры, базирующиеся на звуковых, обонятельных, вкусовых, осязательных признаках, позитивную и негативную эмоциональную оценку выражают визуальные, осязательные и вкусовые образы.

Таким образом, метафоризация перцептивной лексики русского диалектного языка отражает сложность взаимосвязи системы восприятия с другими уровнями жизнедеятельности человека. Анализ лексики, обслуживающей различные

модусы восприятия, ставит под сомнение идею Ю. Д. Апресяна о бинарной организации систем, формирующих образ человека в русской языковой картине мира, о парности систем восприятия и интеллекта. Восприятие, являющееся тем фундаментом, на котором базируется познание и оценка человеком окружающего мира, связано со всеми системами человека, что на вербальном уровне отражается в многообразии моделей перцептивной метафоры.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 17–67.
2. Зинченко В. П. Восприятие // Большой психологический словарь / [под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко] – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – С. 74–75.
3. Кузнецова С. С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / С. С. Кузнецова. – Томск, 2015. – 28 с.
4. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 – русский язык / О. А. Мещерякова – Елец, 2011. – 457 с.
5. Педченко Л. В. Номинации слухового восприятия в русском языке (ономасиологический аспект) / Л. В. Педченко // Русский язык в поликультурном мире. 2011: сб. науч. тр. – К., 2012. – С. 96–100.
6. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–49. – СПб.: Наука, 1965–2016–
7. Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М.: Либроком, 2012. – 216 с.

УДК 811.161.1'373.45

Т. Н. Смирнова

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Заемствованные концепты в близкородственных языках (МАЙДАН)

Смирнова Т. М. Запозичені концепти у близькоспоріднених мовах (МАЙДАН). У статті досліджується перетворення українського екзотизму Майдан у повноцінне запозичення, що втратило зв'язок з певною подією і має значення «масова акція спротиву», а також розглядаються концептуальні ознаки цієї лексики, її ціннісні та образні властивості. Аналіз контекстів засвідчує, що ціннісна семантика концепта Майдан є залежною від соціальних умов його функціонування, тому вона може бути не тією ж самою не тільки в мові-донорі й мові-реципієнті, а й в медіапросторах різних країн, в яких функціонує одна й та ж сама мова.

Ключові слова: запозичення, екзотизм, концепт, ціннісний зміст.

Смирнова Т. Н. Заемствованные концепты в близкородственных языках (МАЙДАН). В статье исследуется превращение украинского экзотизма Майдан в полноценное заимствование, утратившее связь с определенным событием и имеющим значение «массовая протестная акция», а также рассматриваются концептуальные признаки этой лексики, её ценностные и образные составляющие. Приведённые контексты свидетельствуют о том, что ценностная семантика концепта Майдан зависит от социальных условий его функционирования, потому она может быть различной не только в языке-доноре и языке-реципиенте, но и в медиапространствах разных стран одного и того же языка.

Ключевые слова: заимствование, экзотизм, концепт, ценностное содержание.

Smirnova T. N. Borrowed concepts in closely related languages (MAIDAN). The article examines the transformation of the Ukrainian exoticism of the Maidan into a complete borrowing that has lost its connection with a certain event and the significance of the "mass opposition to resistance", as well as the conceptual features of this token, its value properties. The author of the article watched of the development of the concept in Russian media discourse. This concept has acquired new value meanings in the Russian conceptosphere, which distinguish it from the values of the donor language. The value component of the concept is determined by social factors and therefore has a different content in the Russian language of Russia and Ukraine. The ambivalence of the value semantics of the Maidan concept is a characteristic feature of the recipient language.

Keywords: borrowing, exoticism, concept, value content.